

ГЕЛЬМУТ ПЛЕССНЕР

Функции спорта в индустриальном обществе

doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-190-205

190

Каждый, кто начинает изучать чрезвычайно значимый для нашей эпохи феномен спорта, удивляется, как мало в этой сфере сделано со стороны социологии и антропологии. Как будто мы не хотим признаться, что спорт есть сущностный симптом, сущностное проявление культурного состояния нашего современного общества. Как будто это лишь странный феномен, находящийся где-то на периферии. Им приходится заниматься лишь тогда, когда этого требует врач, т. е. когда затрагиваются непосредственно вопросы тренировки, физиологии или в лучшем случае психологии. Станным образом до сих пор очень мало задумывались над тем, что спорт тесно связан с социальной структурой, т. е. с социальной жизнью. И он не просто эфемерный феномен, придающий особую форму массовому обществу и, вероятно, являющийся продуктом вырождения или распада. Здесь я должен сразу сказать, что в этой области сам являюсь человеком, который на ощупь приближается к этому вопросу.

Предлагаемые тезисы недостаточны, но, вероятно, они смогут осветить хотя бы небольшой фрагмент этого очень сложного и запутанного образования. Это связано с вынужденным отождествлением — в той мере, в какой этой допустимо, — спорта вообще с некоторыми яркими феноменами массового спорта, хотя против этого говорят примеры спортивного альпинизма или лыжного спорта и многих других видов спорта, в которых нет массовых мероприятий и массового участия. Тем не менее я думаю, что социологу сле-

Плесснер Гельмут (1892-1985) — немецкий философ и социолог, один из основателей философской антропологии.

Helmuth Plessner (1892-1985) — german philosopher and sociologist, cofounder of philosophical anthropology.

Перевод с немецкого О.В. Кильдюшова, выполнен с оригинала: Plessner H. (1956) Die Funktion des Sports in der industriellen Gesellschaft. Vortrag, gehalten am 13.12.1956 an der Universität Wien. *Wissenschaft und Weltbild. Vierteljahresschrift für die Grundlage der Forschung*, 9(4): 262-274.

дует попытаться приблизиться к этому феномену, фокусируя свое внимание прежде всего на массовых симптомах.

Очевидно, спорт возникает только в индустриализованном и урбанизированном обществе, для которого характерны повсеместное применение техники и глубокое разделение труда. В сельской жизни, в крестьянской среде раньше и сейчас распространены в основном игры, но не спорт. Конечно, корни идеи спорта и многих его видов уходят в доиндустриальную эпоху. Прежде всего в Англии спорт во многом все еще сохраняет черты этоса аристократии и ранней буржуазии — ведь, как известно, именно для этой страны было характерно взаимопроникновение дворянского слоя и буржуазии, что позволило последней более легко адаптироваться к формам жизни высшего слоя.

Однако распространение спорта, его дифференциация на различные ответвления и его популяризация все же проходили параллельно с развитием первого современного индустриального общества в этой стране. «Англия — страна спорта» — так называется небольшое сочинение Герберта Шеффлера (оно наверняка попадалось кому-то на глаза) [Schöffler, 1935]. Таким образом, пионерская роль Англии как страны спорта и страны промышленности была очень значимой еще в XIX веке, но постепенно она ослабевала по мере того, как индустриализация распространялась по всему миру. Это ощущается даже по определенным трансформациям спорта, угрожающим привести к исчезновению из него рыцарских элементов игры. Кто хочет понять значимость спорта для нашего западного мира и для нашего современного общества, тот должен исходить из фундаментального опыта, связанного с феноменом усиливающейся урбанизации.

В нашем современном обществе нарушается, если не сказать, разрушается естественное отношение к телу. Быстрый рост городов, их доминирующая роль в современной жизни вызвали глубокое недовольство деформирующим влиянием современного труда на человека. Весь этот проблемный комплекс связан с понятиями индустриализации, механизации, специализации и бюрократизации. Конечно, мы больше не находимся в ситуации того конфликта, в котором жили поколения людей до 1830-х или даже 1880-х годов. Процесс адаптации городских масс к новой среде, к тому же ставшей со временем гораздо более гигиеничной, дружелюбной и человечной, активно шел многие десятилетия. Давно утихли остро воспринимавшиеся тогда сетования по поводу утраты старых ремесленных, традиционных крестьянских или дедовских буржуазных способов переживаний и связанных с ними представлений о счастье. В любом случае они уже звучат не столь громко и вряд ли воспринимаются молодежью. Для сегодняшней молодежи противопоставление натуралистического элемента — через натурализм

в литературе, в искусстве вообще — целиком относится к прошлому. Индустриализм, механизация, специализация и бюрократизация постепенно стали самоочевидными, неизбежными формами, некогда пришедшими вместе с индустриальным обществом; они давно приняты огромными массами. Но это нисколько не отменяет чувства, что в рамках современного труда — как ручного, так и умственного — человеку в целом некомфортно в его физическом, телесном существовании. Из-за неестественных среды и одностороннего характера нагрузки — будь то шахта, фабрика или контора — он или перенапрягается в качестве вынужденного инструмента для выполнения узко специализированных задач, или оказывается в не менее неестественной обстановке исключительно умственного труда.

192 Это чувство своего рода атрофированности телесного существования сегодня дополнительно усиливается в результате механизации способов передвижения. Конечно, индивид может этого не осознавать, но это давит на него. Пешеход постепенно становится анахронизмом, как это уже произошло в Америке. К людям, приехавшим туда с оптимизмом европейца и пытающимся совершить прогулку (как об этом постоянно рассказывают), обращаются с предложениями помощи. Из первой же остановившейся машины их спрашивают: «Могу ли я вам чем-то помочь?». И ответ «Я хотел бы немного прогуляться» вызывает полную растерянность. Мы сидим в поезде, машине, на велосипеде, в самолете и конторе. Избыток комфорта имеет не только позитивный характер, как и избыточная скорость, с которой мы можем сегодня передвигаться. Направляющийся в Мекку паломник, за несколько часов в самолете достигающий своей цели, до которой еще несколько десятилетий назад требовалось добираться пешком в течение многих недель, правильно сформулировал собственное состояние: «Мысленно я еще не здесь». Но иначе и быть не может, ведь мысль идет пешком. Лететь — больше не значить путешествовать (в самом широком смысле), не ехать на машине или на поезде. Конечно, это уже совсем иной способ путешествовать. Дух странствий стал чужд современным путешествиям, хотя он соответствует выносливости нашего тела, границы которой одновременно задают свой собственный масштаб, соразмерность и тем самым возможность созерцательного восприятия и реального переживания. Прогуливающийся человек воспринимается лишь как фигура в стиле бидермейер.

Из-за подобного ощущения нарушенного баланса между духовными возможностями и телесной нагрузкой индустриализированный мир ищет и в значительной мере находит в спорте определенную компенсацию. Я приведу здесь цитату из Макса Шелера: «...поскольку спорт непосредственно направлен на ресублимацию (т.е. на пополнение с помощью тела и физической культуры в ис-

кусственно регулируемой форме определенного уровня жизненной энергии, ранее чрезмерно потраченной на мысль и труд,», он является не чистым прекрасным выражением и высшей формой благоприобретенного тела (как в греческом гимнасии), а вторичной рефлексией и искусственным восстановлением самоценности телесного бытия, на долгие века оставшегося без должной заботы»¹.

И вторая причина: в качестве жителей мегаполиса и вообще горожан люди больше не способны получать удовлетворение от выполненной работы, как это было возможно в рамках традиционной формы организации труда, прежде всего в ремесле, но также в иных областях, часто вплоть до крестьянского труда. Не нужно забывать, что подобное удовлетворение было знакомо подавляющему большинству европейского населения вплоть до конца эпохи Гете, занявшей значительную часть XIX века. Все они превратились в шестеренки механизма, принципы функционирования которого вряд ли понимают целиком. В подобном безличном учреждении они выполняют узкоспециализированные функции, отвечая за выполнение частной задачи, которая не имеет никакого отношения к их личности.

На сотни тысяч людей давит осознание того, что они заменимы, что их оценивают лишь по результату. И не важно, к какой трудовой «группе армий» они относятся — к рабочему классу, служащим или интеллектуалам. При этом они уже не способны сопротивляться этому оцениванию людей по шкале производительности, поскольку сегодня большинство вряд ли может представить себе другие способы оценки. В большей мере они сопротивляются неизбежно связанной с этим невидимости своей собственной личности. Растворенность в массе, полная анонимность угнетает их еще сильнее. Даже производя результат, они хотят, чтобы в них видели индивидов. Этой потребностью сейчас активно занимается современная индустриальная социология, анализирующая *human relations*. Человек стремится именно к заметности, он хочет восхищаться сам и вызывать восхищение у других. Эта потребность, повсюду разбуженная, повсеместно каким-то образом возвращенная и одновременно блокированная в своей реализации индустриализированным миром, находит пространство для своего осуществления именно в спорте.

Однако быть значимым внутри массы и для массы, выдвинуться из нее таким образом, чтобы каждый мог понять и восхититься этим возвышением, — и здесь приходим к третьей причине — возможно лишь в том случае, когда масса и каждый в состоянии понять

1 Речь идет о цитате из предисловия Шелера к изданной в виде книги инаугурационной диссертации Альфреда Петерса: [Peters, 1927]. — Прим. перев.

и каким-то образом осознать это возвышение как достижение, присущее индивиду в качестве его особенности. А что понятно каждому? В принципе именно физическая сила, ловкость и телесные состязания. Не будем забывать, что мы живем в узкоспециализированном обществе, в котором отдельное достижение ценится тем выше, чем меньше круг тех, кто способен понять и оценить его. Конечно, это стремление к недоступности существовало в любой дифференцированной культуре.

Но пока эта культура строилась и опиралась на традицию, т. е. была сословно структурирована и основывалась на аграрном и ремесленном базисе, эта непостижимость (зоны непостижимости общественного труда для людей различных сфер жизни, слоев и профессий) на практике всегда имела заранее заданные и транслируемые традицией границы. Однако она не воспринималась — и это самое важное — как что-то особенное, примечательное, поскольку разделение на сословия и касты считалось богоугодным и естественным. Наш мир не только сложно организован и специализирован, но в первую очередь настроен на постоянное развитие этих свойств. И в качестве открытого классового общества свободной конкуренции он стремится уважать каждого индивида в условиях открытой дифференциации — в том смысле, что один должен уметь что-то такое, что не может другой. Эти умения привязаны ко все более удлинняющимся по срокам и усложняющимся вариантам обучения, и сами эти предпосылки все более отличаются друг от друга. Поскольку положение нестабильно, поскольку ориентирующаяся на результат система подвержена постоянным преобразованиям и возникают все новые профессии, а, с другой стороны, сохраняют значимость идеал свободного выбора профессии и принцип открытого пути для каждого прилежного работника, то огромная масса живет со странным раздвоением сознания. А именно: то, что может делать другой, собственно, могу или мог бы делать и я, если бы имел те же шансы пройти обучение, что и он. А с другой стороны: я не могу делать то, что делает другой; я даже не понимаю того, что он делает; в принципе я и не должен понимать этого. Это очень странный и крайне противоречивый феномен, связанный с функциональной демократизацией нашего современного общества.

Как мы знаем, индустриальный мир существует благодаря науке. Ее изобретательный дух, враждебно настроенный к традиции, имеет ярко выраженные интеллектуальные черты. Многие профессии, которые до конца XIX века сохраняли верность традиционным нормам и способам обучения, а сегодня оказались под угрозой исчезновения, переживают революционные изменения и втягиваются в общую интеллектуализацию. Теперь для занятия ими требуется среднее или даже высшее образование. И этот процесс идет все

дальше. Получение новых профессий требует прохождения предварительных интеллектуальных стадий. Многое из того, что раньше было даже еще более доступно людям без всего этого балласта предварительного обучения, теперь достижимо в качестве профессии лишь путем изучения определенной дисциплины.

Люди инстинктивно сопротивляются этому захватывающему все вокруг интеллектуализму, который углубляет неспособность понимать друг друга. Они хотят иметь возможность где-то померяться силами, но понятным, ясным каждому образом. Они хотят достичь интеграции, причем вне разделения на дисциплины и профессии, вне раскола на конфессиональные или партийно-политические лагеря. Они хотят противопоставить избыточному дисциплинированию мышления новую первозданность, в рамках которой было бы возможно реализовать тайные желания превзойти других, добиться для себя признания и уважения, достичь высших результатов и почитания в качестве героя. С одной стороны, они хотят спастись от механизма вечной демонстрации себя, а с другой — находятся в его власти. Они ищут выход в другом уровне интеграции, но такую интеграцию им может обеспечить только спорт.

Нами были названы три главные причины занятий спортом: ощущение искаженности физического существования, сопротивление анонимности индивида в массе и сопротивление отчуждению всех от всех в результате интеллектуализации сегодняшней жизни. Соответственно значение спорта для современного общества может быть описано с помощью краткой формулы: спорт есть компенсаторная реакция. Он представляет собой пространство, в котором люди, находящиеся под давлением специализированной трудовой сферы, стремятся удовлетворить некоторые элементарные желания, которые она в них пробуждает и одновременно мешает реализовать. Конечно, эти часто упоминаемые потребности горожанина в отдыхе, социальном контакте и, как мы еще увидим, в агрессии и игре, в соперничестве и героизме могут быть реализованы и иным образом — как в профессии, так и вне ее. Их реализация необязательно должна принимать форму спорта, но тогда она остается личным делом. А позволить себе это может сегодня не очень много людей.

Порабощение гигантской массы наемных работников, сужение их внешней и внутренней свободы действий, однообразие их материального существования не в меньшей степени, чем их фантазии, — все это достигло такого уровня, что быстро исчезает всякий порыв к приватности. Чем больше нас пичкают с помощью прессы, радио, кино, экскурсий и многого другого, тем больше каждый отдаляется и отвлекается от себя. Поэтому потребности в отдыхе и социальном контакте, агрессии и игре, в соперничестве, самоутверждении и героизме имеют тенденцию к публичности и получают

свою реализацию в спорте. Он способен интегрировать их всех и каким-то образом уловить и реализовать. В нем каждый получает то, к чему стремится: неважно в каком качестве — игрока или зрителя, неважно в каком виде спорта — в футболе или легкой атлетике (или в теннисе, крикете, гольфе, конькобежном спорте, лыжах, альпинизме и многих других видах).

Увлечение спортом должно быть внутренне связано с современным социальным устройством. Это мы ясно видим по всем признакам, поскольку оно больше не привязано ни к какому особому общественному слою и в принципе скорее охватывает все. Здесь могут возразить, что существуют определенные формы спорта, которые все еще являются привилегией слоев, выделяющихся своими финансовыми возможностями. Бесспорно, это может быть именно так. Гольф до сих пор так и не стал народным спортом, и он, как и крикет¹, мало подходит на роль привлекающих общественное внимание шоу или грандиозных состязаний с сотнями тысяч зрителей. В крикете, как и гольфе, есть что-то от сельского терпения, которым обладает англичанин, что-то такого странного, часто непонятного человеку из континентальной Европы. Но это, видимо, исключения. Но даже эти формы каким-то образом можно понять в качестве исходной точки для типично спортивного поведения.

В принципе спорт во всех своих проявлениях больше не привязан к какому-то отдельному общественному слою, охватывая все сразу. Здесь сразу бросается в глаза трудовой характер индустриального общества — его трудовой этос и способ организации труда, основанный на специализации и организации, постоянно принуждающий к механизации. Что касается трудового этоса, то даже в странах свободного мира сегодня больше нет класса, который беззаботно относился бы к своей праздности (это то, мимо чего не может пройти теория спорта). Нет имущих слоев, которые могли бы только наслаждаться или творить, читать, писать, рисовать, музицировать, исследовать или еще в какой-то форме позволить себе роскошь свободной жизни. В XIX веке находившиеся на подъеме слои могли сказать, что *труд облагораживает*; сегодня в качестве самоочевидного говорят, что *только труд облагораживает*. Принцип личных заслуг утвердился вплоть до этики и в настоящий момент вытесняет все остальные принципы отбора и оценки. Сегодня ученые, художники, представители академических профессий все больше рассматривают себя как рабочих духа, как функционеров государства или

1 Плесснер говорит здесь о европейской ситуации, тогда как, например, в бывших британских колониях в Южной Азии (Индия, Пакистан и Шри-Ланка) крикет популярнее футбола. — Прим. перев.

крупных институтов, и все это в ситуации растущего истощения, обнищания и моральной социализации (*moralische Sozialisierung*)¹.

Растущий аппарат управления, основанный на разделении труда исследовательских средств и институтов, усложняющегося рынка не в меньшей степени привязывает творческие силы и дух предпринимательства ко все более организованной массе потребителей и трудящихся. В такого рода обобществленном обществе свой триумф празднует идея труда, этоса труда. А вместе с их триумфом усиливается давление со стороны труда, сокращается свободное время, которым можно распоряжаться по собственному усмотрению. В качестве компенсации возникает остаточный феномен так называемого досуга, оцениваемый очень низко. Индустриализация всей жизни дополнительно экономит время, в течение которого отдыхают от работы и набираются новых сил для нее же. Время, измеряемое как по объему, так и по содержанию, не позволяет просто отвернуться от индустриализации и делать, что кому вздумается. Скорее оно навязывает свой ритм и свой этос даже в нетрудовой сфере, устанавливает диктатуру — как душевную, так и материальную, — поскольку в его рамках в качестве культурной и досуговой индустрии разрабатываются способы и виды отдыха для масс и индивида. Это путешествия, наслаждение произведениями искусства и, наконец, игра — игра в спорте.

197

Наше общество совершенно иное — оно в гораздо большей мере основано на личных достижениях, чем это было в античности, в средневековом или раннем нововременном обществе вплоть до конца XVIII века. С исчезновением сословных привилегий, религиозно укорененного, освященного традицией культурного идеала и под влиянием прогрессирующей науки в XIX веке утвердилось открытое общество с принципиально равными шансами для каждого. Начав свое победное шествие с Европы и Америки, оно распространилось на весь мир. Его лозунг: «Дорогу — прилежному!», а прилежен тот, кто успешен. Принцип свободной конкуренции, который мы не должны путать с принципом свободной экономики (поскольку первый утвердился даже в экономике плановой), означает непре-

1 Термин «социализация» в трактовке Плеснера имеет амбивалентное значение, не сводящееся к привычному «усвоению общезначимых норм и ролевых предписаний». В немецкой социологической традиции живо обоснованное Зиммелем понятие о процессе социализации, позволяющем отдельным людям находить общее, вступать в общение, выходить за пределы индивидуального. Иначе говоря, в рамках восходящих к Канту представлений, социализация применительно к морали очевидным образом противопоставляется моральной индивидуации. Редакция благодарит А.Ф. Филиппова и В.А. Куренного за ценные пояснения по данному вопросу.

станное предложение новых изобретений, новых возможностей в производстве.

Таким образом, сегодня статичное общество утратило шансы на сохранение. На его место пришло динамичное, ни на что не направленное открытое общество, которому безразлично, каковы его члены в религиозном и человеческом отношении. Это общество знает лишь неписаный закон эффективности и пытается в своей массе уйти именно от трудового принципа. Но, конечно, оно не способно освободиться от мощной суггестии, исходящей от принципа результативности, и даже не желает эмансипироваться от своей индустрии культуры и развлечений, поскольку в результате — если не рассматривать всю техническую и материальную проблематичность этого для абсолютного большинства — могло бы возникнуть невыносимое напряжение между повседневностью труда и досуга. Абсолютное большинство просто не способно вынести его.

198 Спорт предлагает идеальный способ компенсации, в котором нетрудовой момент соединяется с принципом результативности, обеспечивая тем самым удовлетворение в превосходстве над другими в личном и групповом самоутверждении. Таким образом, трудовое общество пробуждает потребность в компенсации посредством такого рода отдыха, который обеспечивает удовлетворение нереализованных потребностей в гармоническом контроле над телом, самоутверждении и превосходстве над другими. Но и здесь значим результат, причем высший результат, здесь преодолеваются добровольно установленные искусственные трудности, а напряжение снимается посредством решения задач, которые не ставятся нигде еще, прежде всего в рамках телесного бытия.

Разумеется, отвлекающая от труда деятельность с формальной точки зрения, конечно, носит игровой характер. В качестве примеров можно привести игры с мячом, в карты, шахматы, игры на сохранение равновесия, бег, плавание, прыжки и т. д. Хотя мы знаем, что игра и спорт не тождественны друг другу и внешне, и внутренне. Дух спорта требует особой дисциплины, принуждая тем самым к регулированию, совершенствованию и, наконец, к рекорду. Этот вид дисциплинирования чужд игре, которая хотя и может в любой момент достичь стадии спорта, все же рассматривается как самоценность и выпадает из жизненного контекста. К счастью, с педагогической точки зрения, спорт всегда сохраняет контакт с игровой формой деятельности. Если бы это было не так, он никогда не достиг бы такого положения в современном трудовом обществе и такой феноменальной популярности, которую мы, как я надеюсь, начинаем понимать немного глубже.

Парадокс здесь заключается в том, что он в некотором роде выстраивает второе общество, противостоящее трудовому характеру

общества, т. е. обществу труда; общественное поведение в нем имеет игровой характер, но одновременно игровой характер становится основой нового мира труда. Таким образом, несчастные современники видят перед собой в принципе два мира труда, перемещаясь из одного в другой. В одном из них для достижения результата необходимо крайне напрягаться. Чтобы отдохнуть от этой нагрузки, переходят в другой мир, где точно так же напрягаются до изнеможения. Можно сказать, что все не так ужасно. Конечно, не все изнемогают в мире труда, поскольку мы знаем огромное число тех, кто пребывает в конторской тишине. Они не станут так сильно напрягаться, переходя к спорту. Однажды врач в Висбадене рассказал мне, что большая часть изможденных пациентов работала в Федеральном статистическом ведомстве. Как мы видим, в индустриальном обществе существует множество возможностей для переутомления людей. Они не всегда связаны с добровольностью, гигантским честолюбием или титаническим чувством долга — дело в самой структуре предмета.

Теперь о второй стороне. В спорте полностью отсутствуют все характерные для высокоспециализированного общества сложности, связанные с изнурительным трудом, связями и происхождением, необходимыми для того, чтобы обратить на себя внимание общественности. Ребенок из народа, имеющий природные данные и доставляющий радость своими способностями, имеет уникальный шанс стать известным. А насколько люди заинтересованы в публичности, видно по огромной популярности значимых в обществе фигур в иллюстрированных изданиях. А телевидение доводит это до немыслимого уровня, как мы вынуждены предварительно констатировать. Все это навязывает индивиду возможность быть увиденным и оцененным, которая была совершенно недостижима еще в XIX веке. Таким образом, простой человек из народа (*poor man*) имеет здесь уникальный шанс. Где еще любитель ценится выше профессионала? Где еще реализовано в известном смысле бесклассовое общество? В спорте. Причем почти без усилий и как бы само собой. Счастье, которое манит здесь, может оказаться кратким. Бегуна или прыгуна могут забыть. Но кто этим будет озадачиваться? — «За миг единый, прожитый в раю, я с радостью всю жизнь отдам»¹. К тому же жизнь продолжается, позолоченная воспоминанием о том, что ты хотя бы раз был первым!

В спорте масса интегрируется в социальное целое, для которого сохраняется и одновременно блокируется возможность открытого классового общества труда. Он обеспечивает самую непосредственную популярность (при этом не обсуждается, на каком уровне, по-

1 Шиллер Ф. Дон Карлос, инфант испанский. I, 5. — Пер. Ф.М. Достоевского.

скольку он не претендует быть тем, чем не является). Он обеспечивает самый прямой путь к публичности, где индивид и его группа встречается с массой. Лишенный корней горожанин, в одиночку сталкивающийся с анонимными институтами, находит здесь, вне своей более или менее навязанной команды коллег, подлинное товарищество, круг тех, кто его уважает и кто на него рассчитывает, для которого он значим, причем благодаря тем качествам, которые остаются скрыты в повседневной жизни. Здесь он может применительно к своей личности осуществить то, что самая совершенная демократия гарантирует каждому посредством права и что остается абстрактным для большинства: равное притязание на социальное возвышение и признание и на равные жизненные шансы. Ведь те преграды, которые демократическое общество разрушает отменой сословных границ и классовых ограничений, оно тут же возводит вновь посредством конкуренции всех со всеми. Оно тормозит, освобождая. Слишком многие стартуют одновременно, чтобы не чувствовать того, что для них цель недостижима, борьба слишком тяжела, а требования слишком высоки. Это относится ко второй причине.

200 Третий мощный повод для популярности спорта — это потребность в агрессии, которая возвращена индустриальным обществом с его открытой конкуренцией и одновременно сдерживается им. В принципе это лишь выражение общего застоя, который современное общество вызывает в массе своих членов. Ведь оно поддерживает стремления, реализация которых тут же подавляется ради сохранения дифференцированного разделения труда. Здесь мы вообще не затрагиваем вопрос, имеет ли эта современная агрессивность еще более глубокие корни в человеческой природе, выражает общее недовольство человека культурой в целом или, наконец, лишь обостряется в результате индустриальной трансформации современного общества. Мы не собираемся исследовать здесь, прав ли был Фрейд или шлифовщик оптических линз из Амстердама¹, да и нужно ли вообще ссылаться на теории инстинктов или рост агрессивности.

Достаточно того, что есть импульс, который усиливается в открытом классовом обществе благодаря абстрактно равным шансам пробиться наверх. Он усиливается посредством интенсивных чувств, связанных с фрустрацией, подавленностью, неудовлетворенностью и неполноценностью. Ими мы, сторонники свободы, должны теперь платить за наше освобождение. Ведь не только возникновение понятия неполноценности, но осознание своей неполноценности явно глубинным образом связано с утверждением современного

1 Имеется в виду Бенедикт Спиноза, зарабатывавший на жизнь шлифовкой линз. — *Прим. перев.*

общества. Вместе с идеей, что каждый имеет возможность, так сказать, возвыситься, уже при попытке ее осуществления необходимым образом должно возникнуть ощущение проблематичности. Но теперь заблокированные чувства в этом резервуаре имеют достаточный выход в сложных формах деятельности социального редуктора, поскольку большая часть так называемой радости от труда проистекает от избыточного давления с этой стороны.

Однако формы деятельности одновременно опять-таки тормозят, требуют самодисциплины и рефлексии, что может быть сублимацией скопившихся импульсов, а потому требуют расходовать силы и трудиться. Я думаю, Фрейд очень точно раскрыл этот своеобразный механизм. Так, импульсы ищут прямой выход и находят его сегодня в спорте, как отчасти ранее в рыцарских турнирах. При этом не все, что проявляется как обозначающая группу этикетка, является носителем и предметом агрессивности, прежде всего в политической и социальной сфере, в которой подчеркивается классовый антагонизм мира труда. Существуют спортивные объединения рабочих, но они не выступают против предпринимателей, а если бы они и выступали, то спортивный дух не допустил бы того, чтобы столь глубокое противоречие между ними проявлялось даже во время игры. Все это возможно: железнодорожники против горняков, рабочие против врачей, студенты-медики против студентов творческих профессий, техники против почтальонов. Но гораздо ожесточеннее борются между собой клубы горожан и особенно национальные команды или даже индивиды как представители своих наций.

201

Именно здесь получает свободный выход агрессивность, ничем не сдерживаемая лишь во время войны, причем все еще в рыцарских формах; на это сегодня война уже вряд ли способна. Детище барона де Кубертена все же было вполне своевременным, несмотря на трагическую иронию. Правда, оно не привело к примирению народов в том смысле, что олимпиады способны предотвращать войны, как он надеялся. Сразу после их основания началась Первая мировая война, так продолжалось и далее, а между делом случались олимпиады. Но они такое же подлинное выражение современного национализма, как и сами современные войны. Одновременно они есть выражение страха перед его взрывной силой, страха перед войной, выражение отвращения к ней, ностальгия по рыцарским и мирным компромиссам. Одним словом, олимпиады — это фиктивное осуществление оказавшегося неосуществимым стремления всех наций, идентифицирующих себя сегодня со своей национальностью и лишь с нею.

Слово «благородство», напоминающее нам о феодализме и сословных предрассудках, лучше всего заменяет слово «спортивное поведение». Тем самым обозначается этика, которая не привязана

ни к какому сословию и классу и вообще ни к какой ценностной иерархии метафизического характера. Так мы приходим к очень специфической функции спорта в современном индустриальном обществе, о которой обычно не думают, а именно об этической перспективе данного феномена. *Спортивно* ведет себя тот, кто уважает соперника, относится к нему с благородством, не хватается за любой мелочный шанс победить и соблюдает правила, хотя это ему невыгодно и даже может привести к поражению. Быть *good loser* — это почти критерий подлинно спортивного поведения. Это сложнее, чем просто не оскорблять побежденного. Спортивное поведение включает в себя дух товарищества, добровольное подчинение внутри группы, поддержку командного духа, мужество, выдержку, т. е. добродетели, которые ожидают от каждого в ситуации состязательного соперничества. Опираясь на них, спорт приступил к новой стилизации мира труда, согласно собственному образу мыслей.

202

Кроме принятых на веру христианских норм, у индустриального мира и индустриального общества больше нет ничего, что они признавали бы и действительно принимали как нечто обязывающее. Достаточно посмотреть на внутренний и внешний плюрализм, на сосуществование религиозных убеждений и различных философий, государственных и негосударственных идеологий, на различные системы ценностей, исключаящие друг друга. Мы знаем это по опыту. Если индустриальное общество действительно однажды получит возможность определять политическое поведение, то это обязательно приведет к разрушительным последствиям. Плюрализм сегодняшнего общества в принципе допускает лишь нейтральный, индифферентный этос формальных действий, который отказывается от всякого содержания — как мирского, так и потустороннего. Расовые, классовые, сословные и образовательные различия исключаются здесь точно так же, как и религиозные. Таким образом, чисто формально Другой есть не что иное, как партнер по команде или игрок команды соперника, точно так же приспособляющийся к ситуации, задаваемой правилами. Однако под схему этого этоса подходит не только спорт, но и весь мир труда, если его понимать формально и функционально. Спорт смог получить такое развитие потому, что он усвоил и законсервировал в себе определенные черты мира труда, отбросив обязательства повседневной жизни.

Я могу здесь привести очень милый пример из последней главы книги Хейзинги «*Homo ludens*». Хейзинга рассказывает о промышленнике из Роттердама. Этот руководитель одного из мировых концернов во время присуждения ему почетной докторской степени Роттердамской высшей торговой школы сказал: «Со времени моего вступления в акционерное общества между техническим и ком-

мерческим руководством шло соревнование в борьбе за первенство. Один старался производить столько, чтобы, как он полагал, коммерческое руководство не поспевало со сбытом, другой же пытался продать столько, чтобы производство не могло угнаться за сбытом, и это соревнование не утихало. То один был впереди, то другой одерживал победу. Ни мой брат, ни я никогда не рассматривали наше дело как некую поставленную перед нами задачу, но скорее как спорт, навыки которого мы старались привить нашим сотрудникам и младшему поколению» [Хейзинга, 2011, с. 277]. Будет нетрудно найти примеры подобного образа мысли из сфер труда, политики, науки и искусства, даже если их представители стремятся избегать такого прямого сравнения.

Как олимпиады маркируют постоянный агон, так же — пусть и несколько отдаленно — его маркируют Нобелевские премии, за которые ведется постоянный агон в современном научном мире. Сегодня мы живем в культуре, которая не может с чистой совестью указать свою цель, как это было возможно в средневековой культуре, культуре Просвещения и в рамках веры в прогресс в течение значительной части XIX века. Нынешняя культура уже не может отважиться на это. У нее нет другого выбора, кроме как вернуться к нейтрально-формальным функциональным ценностям чистой результативности, культивированию *fair play* и всех остальных добродетелей, которые также культивируются в спорте. Поэтому она превращает профессию и труд в спорт. Этот факт не затрагивает убеждений и личных верований отдельного человека. Спортсмен может быть католиком, протестантом, мусульманином или марксистом, но вся структура целиком затрагивает и усиливает стремление к результату, к рекорду, приводит к завышенной оценке функциональности и к индифферентности к целям, к пренебрежению всем тем, что не связано с результатом и не может быть оценено мерками результативности.

Так что союз между индустриализмом современного мира и спортом наряду с позитивными сторонами имеет и негативные стороны. Как спорт придает всему свою форму, навязывая стремление к рекорду и иные искажения, так и индустриализм, но в обратном направлении, использует функционализм и формализм, позволяющий в облике этики безупречной необязательности играть даже там, где на кону стоит само существование. Выразусь еще яснее: агональный образ мысли в спорте оказывает обратное воздействие на общество и уводит его от самого себя таким образом, что оно понимает самое себя лишь как состязание, неважно, было ли это запланировано или нет. Военственные устремления очень далеки от того, чтобы полностью находить в спорте свое фиктивное осуществление, как на это, например, еще мог надеяться и дей-

ствительно надеялся Ницше. Ведь спорт живет за счет накопленной агрессии, проявления которой препятствуют упорядоченной буржуазной жизни. С другой стороны, воинственные устремления получают таким образом идейное, если не сказать идеологическое оправдание посредством этоса спортивного поведения. Этот этос иммунизирует людей от более глубоких размышлений о целях своих действий, о границах способности давать все больший результат. Он лишает их понимания покоя и меры, досуга и игры. Если бы он оставлял им хотя бы возможность ужаснуться собственной неумоимости! Но, судя по всему, он пытается ампутировать саму возможность угрызений совести, непреднамеренно усиливая воинственные устремления, которые и без того доминируют в нашу эпоху в силу многих причин.

204 Я опасаясь, что из моих рассуждений можно вынести больше негативного, чем позитивного, и что может возникнуть желание записать меня в ряды многочисленных культурных пессимистов, видящих в спорте лишь распад системы. Вероятно, может возникнуть заблуждение, что я как профессор, т. е. представитель духа, должен с неприязнью относиться к «бездуховному характеру спорта». Для многих ученых это может быть верно даже сегодня. Но все мы знаем также живые примеры обратного, и я могу утверждать, что чуждость спорту среди интеллектуалов старого образца отмирает сама собой, как и популярность этого выражения. Это связано не только с изменением жизненной среды прежде всего в сфере транспорта. Есть и другие причины новой стилизации духовной жизни, ее специализации, ее разделения на дисциплины и функции, ее растущей зависимости от рынка культурной индустрии, работающей при помощи гигантских аппаратов и подобно производству материальных благ имеющей своих предпринимателей, менеджеров и рабочих.

Это звучит невесело, да и поставленный мною диагноз спорту звучит несколько мрачно. Уже одно выведение спорта из агрессивности может выглядеть как попытка бросить на него тень и лишить его подлинности, веселости и беззаботности. На самом деле все как раз наоборот. Спорт может снимать напряжение, выполняя свою освобождающую и ободряющую функцию для многих из тех, кто живет в тени прогресса, — а кто из нас не входит в их число? — лишь в той форме, которую он приобрел под давлением современного общества. Например, он имеет бесспорное, хотя и с трудом поддающееся оценке влияние на здоровье людей. И это только благодаря призыву вести здоровый образ жизни. Сокращение алкоголизма, несомненно, является его делом. Более того, он оказывает упрощающее воздействие, что — при всей поверхностности и при всем антиинтеллектуализме, о которых постоянно говорят, — по край-

ней мере, правильно и честно, так как это позволяет игнорировать мнимую образованность. В любом случае спорт делает возможными подходы к образованию, которые — даже на более глубоком уровне, чем в период 1890-х годов, — могут охватить тело и дух в равной мере, что оказалось утраченным под влиянием нововременного интеллектуализма.

Спорт не лучше и не хуже, чем общественный порядок, в рамках которого он возникает, выполняя компенсаторную функцию. Невозможно ругать первое и одобрять второе. Что применимо к одному, то применимо и к другому. Стремление к рекорду в одном связано со стремлением к рекорду в другом. Невозможно изменить спорт, если нет мужества и сил изменить общественный порядок. Первый есть отражение и альтернатива второму, поэтому осуждая или восхищаясь одним, также осуждают или восхищаются другим.

Библиография

Хейзинга Й. (2011) *Homo ludens*. Опыт определения игрового элемента культуры, СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.

Peters A. (1927) *Psychologie des Sports. Seine Konfrontierung mit Spiel und Kampf*, Leipzig: Der neue Geist Verlag.

Schöffler H. (1935) *England das Land des Sports. Kultursoziologische Erklärungen, Hefte zur Englandkunde, Bd. 9*. Leipzig.

205

References

Heijzinga J. (2011) *Homo ludens*. Opyt opredeleniya igrovogo ehlementa kul'tury [Homo ludens. Experience in defining the game element of culture], SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha.

Peters A. (1927) *Psychologie des Sports. Seine Konfrontierung mit Spiel und Kampf*, Leipzig: Der neue Geist Verlag.

Schöffler H. (1935) *England das Land des Sports. Kultursoziologische Erklärungen, Hefte zur Englandkunde, Bd. 9*, Leipzig.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Плесснер Г. (2018) Функции спорта в индустриальном обществе. *Социология власти*, 30 (2): 190-205.

Plessner H. (2018) Die Funktion des Sports in der industriellen Gesellschaft. *Sociology of Power*, 30 (2): 190-205.

Поступил в редакцию: 15.05.2018; принят в печать: 18.05.2018